

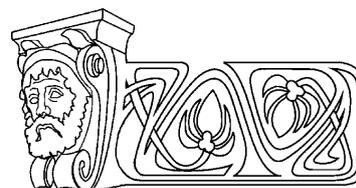


УДК 882.09-1+929 Карамзин

ОБРАЗЫ КАРАМЗИНА И ДЕКАБРИСТОВ В БАРДОВСКОЙ ПОЭЗИИ

В.В. Биткинова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: Philology@sgu.ru



В статье рассматриваются образы Н.М. Карамзина и декабристов, возникающие в контексте размышлений о проблемах истории в песнях и стихотворениях поэтов-бардов конца 60-х – начала 90-х гг. XX в.: А. Галича, А. Городницкого, В. Долиной, М. Щербакова.

Images of Karamzin and the Decembrists in the Bard Poetry

V.V. Bitkinova

The images of N.M. Karamzin and Decembrists emerge, starting from the late 1960s up to the early 1990-s, in the context of the meditation over the problems of history in the songs and poems of the bards: A. Galitsh, A. Gorodnitskiy, V. Dolina, M. Scherbakov.

В бардовской поэзии 60-х – 90-х гг. XX в. Н.М. Карамзин упоминается в основном как автор «Истории государства Российского», и образ его почти всегда сопоставляется с образом декабристов, которые, наряду с А.С. Пушкиным, были своеобразным «центром притяжения», эталоном ценности при размышлениях о российской истории и литературе. Традиция такого сопоставления присутствует и в исторической науке этого времени, в частности, в книгах Н. Эйдельмана, современника, личного знакомого многих поэтов-бардов (об их отношении пишет, например, С. Рассадин в «Книге прощаний»¹). Образ Карамзина в рассматриваемых далее текстах соотносится, если не создан с учетом книг Эйдельмана.

Важной особенностью осмысления истории и в бардовской поэзии, и в книгах Эйдельмана является постоянное сопоставление ее с современностью. Само обращение поэтов к прошлому (образы исторических деятелей, занимающие значительное место в творчестве А. Городницкого, А. Галича, художественно-историческая проза Б. Окуджавы) в 60–70-е гг. связано с острым ощущением значимости текущего исторического момента и личной ответственности перед настоящим и будущим (ср.: постоянное ощу-

щение себя в Истории Ю.М. Лотман считает одной из главных примет декабристского мировоззрения и поведения²).

Наиболее яркий пример сопряжения прошлого и настоящего – стихотворение А. Галича, ставшее позже песней, «Петербургский романс» (1968)³, написанное в ответ на ввод советских войск в Чехословакию и совпавшее с выступлением на Красной площади протестующих против этого вторжения. Сначала «Петербургский романс» строится по законам ролевой лирики, с элементами языкового портрета, разговорной речи. Он представляет собой монолог полковника, который тоже «кричал “Тираны!” / И славил зарю свободы!», но «в то роковое утро» «мудро / Себя объявил в отъезде» и теперь чувствует стыд и зависть к тем «мальчишкам <...> прапорам и корнетам» – к «солнечной ихней славе». Но в финале субъект речи меняется, это уже прямое высказывание автора о своем времени, что усиливает публицистичность стихотворения:

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

Настойчивость вопросов подчеркивается не только синтаксически – повторением, нарушающим строфику (7 вместо 4 стихов в строфе), – но и музыкальным рядом: пение с трехдольным почти вальсовым аккомпанементом сменяется свободным речитативом на одной ноте, короткими длительностями (восьмыми и шестнадцатыми) с ферматами и паузами после них в конце каждой фразы⁴. В поэтическом изображении восстания возникает еще одна черта декабристского поведения – равенство слова и дела и ориентация



дела на слово, поэзию (см. Ю.М. Лотман), что было, наверное, актуально для самого Галича и для его читателей-современников:

<...> стоят по квадрату
В ожиданьи полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

В эпиграф к «Петербургскому романсу» вынесены неточно цитируемые строки из стихотворения Карамзина «Тацит» (1797)⁵, стихотворения, наиболее близкого декабристам и ценимого ими (после выхода девятого тома «Истории», описывающего злодеяния Ивана Грозного, они называли Карамзина «нашим Тацитом»). Слова эпиграфа:

Жалеть о нем не должно!
...Он сам виновник всех своих злосчастных бед,
Терпя, чего терпеть без подлости – не можно,⁶ –

адресованные Карамзиным Риму времени Тацита, у Галича можно отнести как к герою, так и к стране и времени (времени героя – последекабрьскому – или времени автора).

В произведениях А. Городницкого, особенно в стихотворении «Карамзин» (1977)⁷, образы Карамзина и декабристов предстают как две возможные жизненные позиции: с одной стороны, вдумчивое изучение закономерностей исторического процесса с конечной (или подразумеваемой, или чаемой) целью понимания и снятия больно ранящих душу противоречий, с другой – активное (хотя, скорее всего, обреченное на провал) выражение своих принципов, попытка изменить ход истории. Оценочность по отношению к реальному Карамзину и декабристам здесь не уместна. Для сравнения: Н. Эйдельман постоянно подчеркивает пушкинское определение труда Карамзина «подвиг **честного** человека», а спор его с «молодыми якобинцами» рассматривает и изучает как «спор честных» («... явление всегда примечательное и, как правило, обнаруживающее больше истины, нежели ясное противоборство черного и светлого»⁸). Но оценка двух жизненных позиций, олицетворяемых Карамзиным и декабристами, – дело другое. Карамзинская вызывает уважение, во-первых, к долговому труду. Городницкий использует много образов времени, причем по-эпически почти без различия «меры продолжительности»: «много лет и много зим», «в стародавние года», «время дни на нитку нижат. / Над виском

седеет прядь», «века подходят ближе», – они поддерживаются несовершенным временем глаголов. Во-вторых, к труду честному, самоотверженному: «отказавшийся от славы / Для упорного труда», «крест мерцает на мундире», «трудней о них писать», «шесть томов, потом двенадцать» и, главное,

Не придумать, хоть умри,
Чтобы жили в общем мире
Хлебопашцы и цари.

Но покуда были силы,
В размышлениях о том,
Он историю России
Составлял за томом том.

Но в какие-то, самые ответственные моменты истории, так писать и жить, оставаясь честным человеком, по мнению автора стихотворения, нельзя:

«Все, – сказал он, – не могу».
Били пушки на Сенатской.
Кровь чернела на снегу.
Терся нищий возле дома,
Словно что-то потерял.
Для тринадцатого тома
Начинался матерьял.

Цифры имеют здесь символическое значение: тринадцатый том «Истории Государства Российского», будь он написан, не дошел бы до событий на Сенатской, это именно «тринадцатый» – несчастливый «том» истории России. Городницкий в этом стихотворении не оценивает деятельность декабристов, он подчеркивает потерянную историка и, может быть, самой страны, вводя в финал образ «нищего возле дома» – самый «художественно» многозначный в стихотворении, в основном «излагающем».

Карамзинский путь, наряду с другими, как спасение от «дыма» настоящего дня (впрочем, тоже невозможное в принципе) появляется и в более позднем (1985) лирическом стихотворении А. Городницкого «Спасенье в том, чтоб належке...»⁹:

Спасенье в том, чтоб в прошлый век
Переместиться, дав герою
Свои черты, хотя порою
Не получается побег.
И углубиться в старину,
Стряхнув обыденности бремя,
Пространство дальше на время
Сменив вослед Карамзину.

В первой части этой строфы содержится если не прямая, то, возможно, ассоциативная отсылка к роману Б. Окуджавы «Путешест-



вие дилетантов», с его рассказчиком – «отставным поручиком Амираном Амилахвари», о котором сам автор в другом своем произведении сказал:

И из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героя снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал¹⁰.

Главные герои романа тщетно пытаются скрыться от мнений и неписаных законов общества и государства, спасая свою любовь и свою независимость. Кстати, судьбы почти всех героев романа «Путешествие дилетантов» неразрывно связаны с восстанием на Сенатской: главный герой, князь Мятлев, человек «последекабрьского» поколения, чувствующий свою духовную связь с декабристами – «великолепными» своими «предшественниками», которые теперь «превратились в дряхлых инвалидов или умерли»¹¹; одна из героинь, любимых женщин Мятлева, дочь человека, случайно оказавшегося в тот день на площади и умершего в Сибири; Николай I не может именно Мятлеву простить бегства с чужой женой, потому что чувствует в нем человека «из тех», а помогает беглецам «бывши, – как он сам себя называет, – Писар Высачайшаго Следственного Камитета Его Императорскаго Вилличества раб Иван Авросимов»¹² и т.д.

Еще один пример появления имени Карамзина у Городницкого – эпиграф к стихотворению «Как прежде незлопамятен народ...» (1988)¹³. Слова эпиграфа «История... злопамятней народа» заключают девятый том «Истории Государства» и описание царствования Ивана Грозного¹⁴. Карамзин в очередной раз пытается, с одной стороны, как историк оценить объективно, а с другой – примирить («чтобы жили в общем мире...») исторические силы, видит в этом свойстве «народной памяти» залог жизнеспособности нации. Городницкий же словно удивляется долготерпению народа, вводя в карамзинскую цитату многоточие. В новейшее время он предвидит другие последствия: забвение как жертв, так и палачей, непреодолимую «тоску по сильной власти» и в результате – движение истории «по кругу» и «несметны беды». Но именно для того чтобы не повто-

рилось, нужна история (Карамзин) или такая поэзия, какую создавали Городницкий и его друзья.

Кроме «тихого» голоса в истории Городницкий слышит и другой – крик, крик «юродивого» от истории и поэзии или крик толпы. В 1974 г. Городницкий написал стихотворение, посвященное А. Кушнеру¹⁵:

Шалея от отчаянного страха,
Непримиримой правдою горя,
Юродивый на шею рвал рубаху
И обличал на площади царя.

В стране, живущей среди войн и сыска,
Где кто берет на горло, тот и нов,
Так родилась в поэзии российской
Преславная плеяда крикунов.

Это стихотворение вошло в ту же пластинку, что и «Карамзин»¹⁶, и создавало ему своеобразную «пару», изображающую два голоса истории (возможно, и образ нищего соотносится с образом юродивого). Но прогноз автора в стихотворении, посвященном Кушнеру, был еще достаточно оптимистичным:

Извечно время – слушатель великий.
Столетие проходит или два,
И в памяти людской стихают крики
И оживают тихие слова¹⁷.

В 1988 г., возвращаясь к этой теме («Как прежде незлопамятен народ...»), Городницкий видит все по-другому:

Шумит толпа. Кричать недолго власть ей
И палачей умерших обличать,
В то время как тоска по сильной власти
Уже по кругу нас уводит вспять¹⁸.

Размышления об историке, необходимым России, представлены в песне В. Долиной о Н. Эйдельмане «Он не протестант, не католик...» (1983)¹⁹. В ней содержатся скрытые цитаты, отсылающие к книгам Эйдельмана (даже к их названиям): «Апостол Сергей» и другим книгам о декабристах («Ему улыбается Пестель, / Апостол склоняет главу»), «Колокольчик Ганнибалов» («Потомок идет Ганнибалов»), – а также к «Восковой персоне» Ю. Тынянова и «Путешествию дилетантов» Б. Окуджавы («Стоят восковые персоны / И мчат дилетанты в ночи»). Образ Карамзина присутствует подспудно, вводится перефразированной цитатой из книги Н. Эйдельмана «Последний летописец» (а у него – из Пушкина): «Он не открывает америк / Россия его материк». Но этот образ самый



развернутый, потому что совпадает с характеристиками адресата стихотворения и, в целом, с портретом идеального «русского историка». Даже внешне В. Долина стилизует своего героя-адресата «под XVIII–XIX век» (а может быть, и дальше вглубь, «под летописца»):

Он грудью к столу приникает,
Глядит на бумаги хитро.
Чернила к себе придвигает,
Гусиное точит перо.

В финале песни, когда речь заходит о «нашем» времени, Эйдельман будто бы не принадлежит ему, сохраняя что-то из «того», глядя из «того» времени: «И ходит с пером между нами...».

Но главное, конечно, внутренние принципы историка, и они вполне совпадают с карамзинскими, созданными самим Эйдельманом в «Последнем летописце»:

Он не протестант, не католик
[вариант: «Не христианин, не католик»]
(Пошире держите карман!) –
Он просто российский историк
Историк Натан Эйдельман.
.....
Средь моря речей и риторик,
Средь родины нашей большой –
О как же нам нужен историк,
Историк с российской душой...

Историк без лишних истерик
С вельможи потянет парик...
Он не открывает америк –
Россия его материк.

Непредвзятость, незаданность истории идеями и некрикливый, нериторический патриотизм – то, что сам Эйдельман ценил в Карамзине. Вообще в книге «Последний летописец» автор явно не только хочет дать понять читателю, но и понять для себя, может быть, ответить собственным оппонентам, какими видятся ему идеальный историк и история (недаром в статьях, посвященных Эйдельману, его часто характеризуют словами, сказанными им же о Карамзине²⁰). Это касается и метода подачи материала, Эйдельман защищает Карамзина от обвинений в психологизации образов исторических деятелей, в обработке формы, наконец, в перенесении взгляда человека XVIII столетия в предшествующие века. В песне В. Долиной об Эйдельмане это выглядит так: «Не пишет стихов или песен, / Но грезит себе наяву» и «А впрочем, и в нашей сечи».

«Наше» время актуализирует иных героев иных историков. Это все так же вынужденные спасаться «в ночи» «дилетанты» Б. Окуджавы (в более позднем стихотворении – ироническом размышлении о своих героях и о себе – он назовет их, осовремененных, «фраерами» и прокомментирует: «В обиходном смысле – мнение толпы об интеллигентном человеке»²¹). Это тыняновские «восковые персоны», все так же «стоящие», очевидно, как в повести, «откинув голову» и с «перстом, который указывал», среди своего «хозяйства» – мертвых и умерщвленных друзей и врагов²². Но с образом Эйдельмана, пронизанного карамзинскими ассоциациями, связано представление об идеале.

Еще два произведения, которые нужно рассмотреть, это своеобразная песенная диалогия М. Щербакова «Мой несчастный друг, господин Н.Н. ...» и «Призвав решительность и строгость...» (1989)²³. Она открывается эпиграфом «Отчего в России мало авторских талантов? Карамзин», и второе стихотворение заканчивается словами «Ах, отчего в России мало / талантов авторских, мой друг?» М. Щербаков, в новом времени, пытается ответить на вопрос, поставленный Карамзиным. В исходной мысли – «в обстоятельствах гражданской жизни россиян надобно искать ответа на вопрос»²⁴ – статья Карамзина и стихотворения М. Щербакова совпадают. Но главной для литературы времени Карамзина проблемы – необработанности языка – для литературы нового времени уже не существует (да и «талантов», на первый взгляд, не «мало»). Лучшее подтверждение тому – насыщенность текстов самого М. Щербакова «языковыми богатствами» (от имитирующих древнерусские до новейших слов и словечек, от клише до фразеологических оборотов) и скрытыми цитатами из произведений разных времен, разных стилей (Карамзин и XVIII век, декабристы (в особенности – К.Ф. Рылеев), А.С. Пушкин, советские песни, А.И. Солженицын). Причина малого количества «авторских талантов» в другом – негероическое время и негероический герой, т.е. опять в центре оказывается тема истории и человека в истории. Раскрывается она уже не так, как в текстах предшественников (один из критиков, по-моему, точно определив проблему, назвал М. Щербакова «бардом послебардовского поколения»²⁵).



В первой песне звучит словно упрек неизвестному герою своей поэзии («господину Н.Н.»), который мог бы быть вольнодумцем или революционером («Не возник в тебе ни второй Вольтер, / ни, тем более, Робеспьер»); мог бы быть дворянином и выйти на Сенатскую (!); мог бы быть мужиком и принять участие в бунте; совершить, наконец, какое-нибудь впечатляющее преступление («Програл бы хоть, что ли, двести тыщ / государственных, – так ведь нет!»). Приговор ему – забвение («И поэт других предпочтет тебе, / и историк пренебрежет»). Но это приговор и себе, автору, выбравшему такого героя. Мысль о неотделимости автора от героя передается переключкой концовок седьмой и десятой, последней, строф-куплетов («Только ты – не смог; / только ты один, только ты» и «Только я один, как всегда, один, / только я один, как всегда»).

Одиночество героя и автора усиливается во втором стихотворении. Но это уже другой герой и другой автор, и причина этого, опять, в исторической ситуации («в реальной конъюнктуре»). Во второй песне отражена новая, советская и постсоветская эпоха. Мельчают, по сравнению с бунтами прошедших эпох, «гражданские» подвиги современников – «героев, каких не видела земля»:

Когда кругом волненья тысяч
и политический процесс,
кого ни тронь – Иван Денисыч,
куда ни плюнь – КПСС;

мельчают «подвиги», не совершенные героем:

не познакомился с опалой,
но и фавора не вкусил;
юнцом не ползал по окопу,
не лазил к барышням в альков,
не эмигрировал в Европу
из-за незнанья языков.

И неучастие в такой жизни воспринимается как достоинство героя. Он «по натуре – робинзон», он экзотически «хрупок», болезнен:

он размышлял об Эмпедокле,
читал Мюссе, ценил Массне,
и по зиме гулял в монокле,
а по весне носил пенсне;
от слабых легких ждал подвоха,
искал спасенья во враче...

В отличие от современников, которые строят «новый мир» «действительно с нуля», он принадлежит миру культуры. Имена Эмпедокла, Мюссе, Массне звучат необычно и почти бессмысленно (для «тысяч», действительно, бессмысленно), как музыка, но все-таки имена, традиции в сознании героя присутствуют; остальные же, во множестве рассыпанные в текстах афоризмы и скрытые цитаты безличны, оторваны от смыслов текста-источника, т.е. представлены так, как они существуют в массовом сознании (возвращение к карамзинской теме языка и авторских «талантов» – ?). Автор второго стихотворения тоже приобретает почти романтические черты:

Земля не знает скорби горячей,
Чем та, которую ношу в себе...

(Эти слова выделены и по ритму (смена размера), и музыкально – это самый лирический, мелодичный фрагмент на фоне сплошного речитатива, и повторяется он два раза²⁶). Естественно, изменяется его отношение к своему герою, автор словно упрекает себя за невнимание к нему, «так и умершему», и слова Карамзина в финале звучат как сожаление: «Ах, отчего в России мало / талантов авторских, мой друг?»

Таким образом, во второй половине XX в. в бардовской поэзии актуальной становится фигура Карамзина. Образ его привлекается в контексте размышлений о проблемах истории: идеального историка, исторической ответственности человека, соотношения древности и современности. В связи с проблемой исторической ответственности, образ Карамзина часто сопоставляется с образом его младших современников – декабристов, и для поэтов конца 60-х – начала 90-х гг. XX в. подвиг «честного» человека и историка оказывается едва ли не равновеликим подвигу прямого выступления против власти. В контексте же размышлений о том, какой историк «нужен» России, Карамзин оказывается включенным в ряд авторов позднейшего и предшествующего времени (напрямую – Н. Эйдельман, во втором ассоциативном ряду – Б. Окуджава, Ю. Тынянов, А.И. Солженицын, а в «глубь веков» – Тацит).



Примечания

- ¹ *Рассадин С.* Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. М., 2004.
- ² *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб., 1998. С.331–384.
- ³ *Галич А.* Песня об Отчем Доме: Стихи. Песни. Статьи. Интервью. Ноты. М., 2003. С.241–244.
- ⁴ Там же. С.513 (ноты).
- ⁵ *Карамзин Н.М.* Тацит // Карамзин Н.М. Полн. собр. стих. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. М.; Л., 1966. С.139.
- ⁶ *Галич А.* Песня об Отчем Доме. С.241.
- ⁷ *Городницкий А.* Сочинения: Стихотворения. Поэмы. Песни / Сост. А. Костромин. М., 2000. С.243–244 (Голоса. Век XX).
- ⁸ *Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 2004. С.142.
- ⁹ *Городницкий А.* Сочинения. С.314–315.
- ¹⁰ Песни Булата Окуджавы: Мелодии и тексты. М., 1989. С.149.
- ¹¹ *Окуджава Б.* Путешествие дилетантов. Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари. М., 1986. С.32 (Б-ка «Дружбы народов»).
- ¹² Там же. С.314.
- ¹³ *Городницкий А.* Сочинения. С.348.
- ¹⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 9 т. / Коммент. А.М. Кузнецова. Калуга, 1993. Т.9–12. С.191.
- ¹⁵ *Городницкий А.* Сочинения. С.197–198.
- ¹⁶ *Городницкий А.* Берег: стихи и песни [звукозапись] / Пение и чтение автора; пение и гитара М. Кане; гитара В. Николаева. Запись 1988 г. М., 1989.
- ¹⁷ *Городницкий А.* Сочинения. С.198.
- ¹⁸ Там же. С.348.
- ¹⁹ *Долина В.* Сэляви: Стихотворения. М., 2001. С.310–311.
- ²⁰ См.: *Тартаковский А.Г.* История продолжается... / Вступ. ст. // *Эйдельман Н.Я.* Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С.5–49.
- ²¹ *Окуджава Б.* Прогулки фраеров [звукозапись] // Когда опустеет Париж...: последний концерт Булата Окуджавы в Париже / Чтение автора. Запись 23 июня 1995 г. в Париже. М., 2000.
- ²² *Тьянянов Ю.* Кюхля. Рассказы / Предисл. В.А. Каверина. М., 1981. С.475, 460.
- ²³ *Щербаков М.К.* Другая жизнь [тексты; ноты] / Сост. И. Грызлов. М., 1997. (Сер. «Авторская песня»). С.140–146.
- ²⁴ *Карамзин Н.М.* Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Смирнова. М., 1982. С.101 (Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).
- ²⁵ *Малинский Л.* Бард послебардовского поколения // Новая газета. 1996. 9 апр. С.5.
- ²⁶ *Щербаков М.К.* Другая жизнь. С.146 (ноты).